

Сегодня — Международный день музыки

СВЕТ ПЕСЕН ЛУСИНЕ ЗАКАРЯН

Если обратиться в билетную кассу ереванской оперы или филармонии за день до концерта Лусине Закарян — на тебя посмотрят с недоумением: разумеется, билеты давно проданы. Если кафедральный сбор в Эчмиадзине не в состоянии вместить толпу людей — не потому, что все верующие. Многие пришли послушать пение солистки кафедрального хора Лусине Закарян. «Простота и непорочная чистота вашего исполнения пленяют и завораживают слушателей, — писал Лусине Закарян великий композитор Арам Хачатурян. — Это какое-то волшебство».

Но она мне не только этим дорога. Мои родители очень любили друг друга. Мне кажется, что способность любить тоже передается по наследству».

Ход мыслей Лусине привел нас к разговору... о любви. Уже более пятнадцати лет живет в согласии супружеская пара Лусине Закарян — Хорен Палян. Хорен — прекрасный знаток средневековой армянской музыки, преподаватель древнеармянского языка в Ереванском университете. Как известно, быть хорошей женой трудно. Быть же сценической «звездой» и одновременно хорошей женой — почти невозможно. Репетиции, концерты, гастроли, творческие муки отнимают много времени и сил, требуют полной самоотдачи. Как же Лусине совмещает почти несовместимое? К моменту, когда назрел этот мой вопрос, весьма кстати вернулась домой муж Лусине. «Музыка — наше общее дело, — объяснил он. — Когда-то я и сам пел с женой армянские средневековые песни. Теперь выступаю перед ее концертами, в репертуаре которых армянская средневековая музыка. Ведь не каждый сидящий в зале имеет представление об этой сокровищнице армянской музыки, и я в короткой лекции стараюсь дать

максимум информации. Когда у супругов общие интересы, они легко избегают конфликтов. Моя жена не страдает недостатками, которые обычно приписывают людям искусства. Она любит готовить, хозяйничать и не любит повелевать. Она меня вполне устраивает». Лусине считает несколько иначе: «Хорен не эгоистичен и старается помочь мне во всем. Без него мне всегда трудно». Слово, Лусине — из женщин, которым непременно нужна крепкая «спина»: в лице мужа, друзей, родных и близких. Хорошо, что все это у нее есть.

— Специалисты называют ваше пение чистым, сравнивают его с детским. Что вы думаете по этому поводу?

— Человек верит в то, во что хочет верить. Я хочу верить в хорошее, как верят в него дети. Мне нравятся слова Генри Шоу: «Если бы не было веры, нельзя было бы жить на свете: мы не смогли бы спокойно съесть даже порцию рагу». Добавлю, что без нее я не смогла бы и петь: музыка — это гармония, а гармония без веры невозможна.

Обычно Лусине Закарян дает тематические концерты: армянская средневековая музыка, «Аве Мария», произведения Баха, Моцарта, Комитаса и т. д. Она объясняет это так:

«Если я пою Баха, я хочу петь его весь вечер. Мгновенное перевоплощение кажется мне нарушением гармонии. Пусть слушатели один вечер наслаждаются Бахом, другой — Генделем. Разве так не лучше?».

Лусине и в жизни не любит разнобоя, смешения. Она не увлекается ничем, кроме музыки.

Председатель правления Союза композиторов Армении Эдвард Мирзоян однажды сказал о Лусине Закарян: «Манера исполнения Лусине диктуется ее природой, а природа ее удивительно цельная и совершенная. Можно довести до виртуозности технику исполнения, артистизм. Но собственную природу не переделаешь. Если в душе нет света, не будет его и в творчестве, и в искусстве. Кстати, имя Лусине от армянского слова луйс — свет. Оно как нельзя лучше подходит этой замечательной певице и незаурядной личности. Лусине Закарян — явление гораздо более значительное в нашей музыкальной жизни, чем это кажется».

Дж. АМИРХАНЯН.

Взять интервью у знаменитости обычно удается не сразу. Но народная артистка Армении Лусине Закарян не стала объяснять, как она занята, устала, или переносить встречу на другую неделю. И вот я у нее дома. Лусине не оставляет впечатления энергичной женщины. Какая-то трогательная незащищенность угадывается во всем ее облике, в манере говорить. Вместо того, чтобы торопить беседу или хотя бы намекнуть на ограниченность времени, она угощает меня вином, радуясь, не спеша включает Комитаса. Объясняет: «Под музыку говорить приятней». Я смотрю в синие лучистые глаза Лусине и вспоминаю чувство, которое испытала много лет назад, услышав впервые ее пение.

Лусине показывает мне фотографии. Совсем старые, начала века. На них изображен дед певицы по материнской линии, польский армянин Иосиф Томашевич. Это был знаменитый бас-профундо театра оперы в Петербурге, друг гениального певца Шаляпина. Уже в преклонные годы судьба забросила Томашевича с семьей в небольшую старинный городок Ахалцихе в Грузии, где Лусине и родилась. Бабушка Елена Томашевича — молодая женщина на фотографии — была блестящей пианисткой-импровизатором, тапером в синематографах Петербурга и Москвы. Еще одна фотография — молодой человек, отец Лусине, стоит у рояля, ему аккомпанирует жена. «Отец говорит, что здесь он пел «жесткий» романс, очень модный в те годы, — объясняет Лусине с улыбкой. — А это мой старший брат Давид. Он был известным в Армении музыкантом. Можно сказать, что у меня «музыкальная» родословная.